

— И впрямь до восьми лет в постель мочился?

Сюй Шэнъи так и подмывало спросить об этом Фан Наньшаня с самого момента, как он услышал эту историю от госпожи Чжао.

Но днем вокруг было слишком много людей, и момента не выдалось.

Лишь теперь, когда они легли спать, он не выдержал и задал этот вопрос.

Фан Наньшань прикрыл лицо ладонью:

— Было дело, раза два случалось и в восемь лет. Но только дважды, потом всё прекратилось.

С этими словами Фан Наньшань похлопал по постели:

— Как раз на этой самой кровати, на которой ты сейчас лежишь.

Сюй Шэнъи на мгновение затих, а затем не выдержал и прыснул со смеху.

Видя, как весело мужу, Фан Наньшань тоже заулыбался.

— Ну и что такого? Кто в детстве в кровать не прудил?

Сюй Шэнъи долго не мог успокоиться.

— И что ты делал потом? Сам простыни и одеяла стирал?

Фан Наньшань не ожидал такого вопроса:

— Заставлял старшего брата помогать мне. А всем остальным говорил, что это он обмочился. Ни за что не признавался, что это я.

Сюй Шэнъи закусил губу, чувствуя, что сейчас снова расхохочется.

Фан Наньшаню это надоело. Перевернувшись, он прижал Сюй Шэнъи к подушкам.

— Не смей надо мной подтрунивать. Это моя комната и моя кровать. Будешь смеяться – я тебя проучу.

Сюй Шэнъи дрожал от смеха:

— Я не могу сдержаться.

Фан Наньшань редко видел его таким веселым. Очарованный этим зрелищем, он, не отдавая себе отчета, потянулся за поцелуем.

Сюй Шэнъи замурлыкал под его ласками, но всё же попытался оттолкнуть его:

— Нельзя... в доме твоих родителей нельзя.

Фан Наньшань, уже охваченный страстью, возразил:

— Почему нельзя? Это мой дом, моя комната. Ты – мой муж, и ты лежишь на кровати, на которой я спал с самого детства. Почему мне нельзя?

На миг Сюй Шэнъи показалось, что он прав.

Фан Наньшань уже скинул одежду, и его руки стали бесцеремонными.

— Милый мой, я буду осторожен.

Словно поддавшись какому-то наваждению, Сюй Шэнъи кивнул, позволяя ему продолжить.

Фан Наньшань пришёл в неопишуемое возбуждение. Обняв мужа, он начал действовать без стеснения.

Помня, что дом старый и стены тонкие, он старался двигаться плавно.

Но Сюй Шэнъи всё равно покрылся испариной от его ласк.

— Муж мой, ещё нежнее...

Фан Наньшань, напрягая чресла, склонился к нему:

— Ещё нежнее? Если буду нежнее, то и толку не будет.

Сгорая от стыда и гнева, Сюй Шэнъи несильно ударил его кулаком.

Фан Наньшань перехватил его руку и прижал к себе ниже живота.

Сюй Шэнъи вздрогнул, всё его тело напряглось.

Кровь в жилах Фан Наньшаня закипела, и он невольно приложил больше силы.

И в тот самый момент, когда оба были на пределе, раздался громкий хруст.

Старая деревянная кровать, верой и правдой служившая долгие годы, не выдержала – ножка подломилась.

Сюй Шэнъи ахнул от неожиданности, затаил дыхание и крепко вцепился в Фан Наньшаня.

Тот от такой близости лишь содрогнулся, достигая блаженства.

Спустя долгое время Сюй Шэнъи шепотом спросил:

— Что случилось?

Фан Наньшань коснулся его губ поцелуем:

— Ничего страшного. Кажется, ножка кровати сломалась.

Ошеломленный Сюй Шэнъи поспешно толкнул его:

— Уходи скорее! Ты кровать разломал своими бесчинствами!

Фан Наньшань хоть и не насытился до конца, но все же утолил первый голод.

— Не волнуйся, всё в порядке. Наша комната с самого края, далеко от остальных. Они ничего не слышали.

Это была одна из причин, по которой Фан Наньшань настоял именно на этой комнате.

Как бы необузданно он ни вел себя с мужем, он никогда бы не позволил себе лишнего там, где их могли подслушать. Это было бы неуважением к Сюй Шэнъи, а на такое он не был способен.

Сюй Шэнъи сел и начал натягивать одежду:

— Может, и не слышали, но ножка-то сломана! Теперь все поймут, чем ты тут занимался.

Фан Наньшань тоже поднялся. Не обращая внимания на кровать, он первым делом принес воду и полотенце.

— Я специально оставил воду, оботрись пока.

Сюй Шэнъи взял полотенце, не зная, хвалить ли его за заботу или ругать за то, что он всё спланировал заранее.

Фан Наньшань лишь широко и открыто улыбнулся.

Сюй Шэнъи бросил на него косой взгляд, думая про себя: «Точно, заранее спланировал!»

С подломившейся ножкой совладать было несложно: Фан Наньшань подставил под угол низкую табуретку в качестве временной опоры.

— Старший брат говорил, что скоро будет готова новая мебель. Тогда эта старая кровать сможет наконец отправиться на покой.

Поскольку Фан Цзинь праздновал помолвку, свадьбу назначили на конец года, так что ещё в прошлом году он заказал у плотника новые кровати и шкафы.

Сюй Шэнъи умылся и присел на край постели:

— Разве старший брат не собирается строить новый дом к свадьбе?

Фан Наньшань покачал головой:

— У брата есть немного серебра, но нужно устроить пир, отдать брачные дары, прикупить вещи для будущего супруга... Если всё посчитать, на строительство дома не хватит. Брат решил сначала подновить старый дом, а после свадьбы накопить денег и построиться.

Сюй Шэнъи открыл было рот, желая предложить денег на строительство, но в последний момент передумал.

— У тебя ведь тоже есть серебро, ты мог бы дать брату в долг на дом.

Фан Наньшань усмехнулся:

— Мы с братом никогда не делили деньги на «мои» и «твои», но теперь я обзавелся семьей, и брат ни за что не возьмет мои деньги. Когда я в прошлый раз предлагал ему, он меня чуть не поколотил.

Сюй Шэнъи похвалил:

— Твой брат – настоящий мужчина, он знает меру во всем.

Фан Наньшань хмыкнул:

— Что? Твой муж, значит, меры не знает? Не настоящий мужчина?

Сюй Шэнъи рассмеялся:

— Ты даже ножку у кровати умудрился выломать. Какая уж тут мера?

Фан Наньшань замер на мгновение, а затем громко расхохотался.

Супруги, сломавшие кровать посреди ночи, вместо того чтобы горевать, сидели и глупо радовались.

Остаток ночи прошёл спокойно.

На следующее утро вся семья поднялась ни свет ни заря.

Госпожа Чжао спала плохо, всё переживала, достаточно ли удобны постель и одеяла, приготовленные для Сюй Шэнъи.

Всё-таки он впервые остался в их доме, и она боялась, что ему чего-то не хватит.

Выйдя во двор, она увидела Сюй Шэнъи, который с улыбкой кормил кур и уток кукурузными зернами.

На лице госпожи Чжао тут же расцвела улыбка.

«Какой славный гэ-эр, – подумала она. – ...Нашему парню несказанно повезло».

Фан Инъэр тоже полюбила Сюй Шэнъи. Со вчерашнего дня она сменила вежливое «гэ-фу» на ласковое «сяо-гэ».

— Сяо-гэ, а ты видел когда-нибудь маленьких диких поросят? — спрашивала она, крутясь рядом.

Сюй Шэнъи покачал головой:

— В городе часто продают дичь, но я обычно занят и по улицам не гуляю.

— Тогда ты наверняка не видел узорчатых полозов, — продолжала Инъэр. — А их ведь можно есть!

— А? — изумился Сюй Шэнъи. — И это едят?

Фан Инъэр закивала и принялась увлеченно рассказывать.

Пока они шептались у ворот, Фан Наньшань то и дело поглядывал в их сторону.

Фан Цзинь похлопал его по фартуку:

— Имей совесть. Со стороны поглядеть – так люди засмеют.

Фан Наньшань быстро нарезал тарелку вяленого мяса и усмехнулся:

— Кто смеется, тот просто завидует. Завидует, что у меня такой красавец-муж.

Услышав эти нежности, Фан Цзинь отвесил ему легкий подзатыльник:

— Иди мой руки и отправляйся в деревню Сяова. Пора встречать семью твоего зятя на обед знакомства.

Фан Наньшань, потирая голову, выбежал из кухни:

— Бабушка, старший брат опять меня по голове бьет!

Госпожа Чжао, пересчитывавшая одолженную вчера посуду, отмахнулась:

— Бьет - значит, заслужил. Подумаешь, беда какая.

Фан Наньшань вышел из дома, собираясь пожаловаться Сюй Шэнъи, но увидел приближающегося Чжоу Синъюаня с компанией.

Чжоу Синъюань заходил вчера уже дважды. Он никак не ожидал, что Сюй Шэнъи вернется вместе с Фан Наньшанем.

Но теперь его сердце было спокойно - ведь именно он подбил Фан Наньшаня поймать расшитый шар.

Как говорил его отец: если пара живет хорошо, значит, ты сделал доброе дело. А если плохо - то сотворил зло, пусть и из лучших побуждений.

Судя по всему, злодеяния он не совершил.

— Братец Шань, гэ-фу!

Пришедшие с ним парни тоже наперебой здоровались: «Гэ-фу!» то с одной стороны, то с другой.

Сюй Шэнъи с улыбкой кивал им в ответ.

Чжоу Синъюань протянул две лесные груши Фан Иньэр и обернулся к Фан Наньшаню:

— Едем в Сяова встречать гостей?

Фан Наньшань кивнул:

— Едем, как раз собирался за вами зайти.

Только они тронулись, как их догнала женщина с небольшим свертком в руках, видимо, только что вернувшаяся в деревню.

— Наньшань, соблюдай приличия. Поздоровайся со всеми братьями. И подарки, что везете, нужно заносить прямо в главный зал, а не бросать во дворе.

Это была Цао Фэн, жена старшего брата их отца.

Одна из немногих старших родственников, оставшихся у семьи Фан.

— Знаю, бер-му, — кивнул Фан Наньшань.

Он тут же представил её Сюй Шэнъи:

— Муж мой, это моя тётушка. В детстве она нас часто подкармливала, но и колотила не меньше.

Сюй Шэнъи вежливо поздоровался:

— Почтенная тётушка.

Цао Фэн так и расцвела, схватив его за руки:

— Какой красивый гэ-эр! Нашему Наньшаню правда повезло.

Она была типичной деревенской женщиной – стоило начать разговор, как она готова была выпросить всё до третьего колена.

Фан Наньшань, боясь, что муж не выдержит такого напора, поспешил вмешаться:

— Тётушка, идите скорее помогать брату с готовкой, а мой муж пусть погуляет.

Цао Фэн громко расхохоталась:

— Ах ты, паршивец! Ладно-ладно, пойду на кухню, не буду мешать твоему супругу.

<http://bllate.org/book/19020/1869937>